

О некоторых особенностях рефлексии фонемы *ѣ в среднерусских говорах
XVII века

Смирнова Юлия Владимировна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В отказных книгах Владимирского и Муромского уездов (из собрания РГАДА; датированы 1-й половиной XVII в.) имеется большое количество данных, касающихся судьбы древнерусской фонемы *ѣ под ударением.

При этом в некоторых изученных документах имеются написания, указывающие на особенность рефлексии фонемы *ѣ, которая применительно к современным говорам подробно не описана. Связана она с позицией после звука [j]. В целом ряде отказов, в которых преобладают правильные написания буквы ѣ, в положении после [j] на месте ѣ часто употребляется е. Ср. примеры из документа, составленного жителем Гороховца: *мѣсто, лѣсу, помѣе, за рѣчкою, дѣти, двѣ* и др.; но: *в...уе³дѣ, уе³ду*.

Та же закономерность наблюдается и в другом отказе с владимирской территории: *на примѣрную, сѣна, лѣсъ, по лѣтнику, примѣряно, въ рекѣ* и т. п.; но: *в...уе³дѣ, у...езу*.

Показательны и примеры, встретившиеся у одного из муромских авторов: при наличии написаний типа *лѣсомъ, сѣна, нѣ^м, по рѣчке* имеются и случаи *в...уе³дѣ, нае³домъ, е³ди^л, в...уе³де, с нае^{жс}дею*. Кроме этого, в одном из муромских документов обнаружен ряд нетривиальных написаний с буквенным сочетанием еѣ на месте *ѣ: *еѣхати, приеѣха⁶, наеѣздо^м, в...уеѣзде, проти⁶ тоеѣ жь* (есть и замены ѣ на е не в позиции после [j]). Возможно, используя такие буквенные сочетания, писец пытался передать особое звучание гласного звука, следующего после [j], его отличие от звука, обозначаемого обычно буквой ѣ.

Среди мещерских записей также есть такие, в которых замены ѣ на е встречаются преимущественно в положении после [j]. Например, у одного из писцов представлены следующие написания е вместо ѣ: *жѣне; уе³дѣ, приехо⁶, уе³ду, уе³да, в...уе³дѣ, е³ди^л, съе³же^л*.

Подобная закономерность в употреблении букв ѣ и е была отмечена А.А. Шахматовым в двинских грамотах. По его мнению, замены ѣ на е в начале слова и слога могут объясняться изменением сочетания [jie] в [ие] (вследствие утраты [j] перед [и]) и, далее, в [je]; см. [Шахматов: 84].

То есть можно предполагать, что примеры из текстов со среднерусской территории, приведенные выше, указывают на реализацию <ѣ> в дифтонге [ие] (а не в монофтонге [ѣ]), так как именно дифтонг мог в позиции после *j изменяться указанным А.А. Шахматовым путем.

Подтверждением этого предположения являются данные о говоре д. Лека (расположена на территории Мещеры), приводимые С.С. Высотским. Он отмечает, что при наличии в этом говоре реализации *ѣ в виде [ие] произношение [ие] не встречается в словах типа "ехать", "есть" (в этих случаях обычно произносится [е] после [j]) [Высотский: 19–20].

Нестандартность позиции после звука [j] отражена также в отказе с мещерской территории, в котором представлены нетривиальные для документов из данной местности замены ѣ на и. Исходя из места составления документа, можно заключить, что его автор был жителем Тумской волости (север Рязанской обл.). Здесь имеются частотные написания и вместо ѣ: *ли^с ("лес"), лисо^м поро^сло, миста дварово^е; в Нефедьева помистья, помистью, в помистья; с Ывашка^м Мосиевы^м, Аникие⁶; помищико⁶*. Есть и

гиперкорректные употребления ъ на месте *и*: *приехо⁶ валодѣ^рско^и уе³дъ, а^тказа^т...валодѣ^рско^и уе³де, А^икудѣ^ньки*.

Как видно, в данной записи отразилась довольно необычная диалектная система, сочетающая аканье и изменение *ѣ в [и] в том числе в позиции перед твердыми согласными.

Нужно также отметить встретившееся в одном из мещерских документов, составленном "Ту^иские воло^сти" церковным дьячком, написание Тѣмофѣ^е (2 раза), где буква ѣ употреблена вместо *и* в безударном слоге. Это вновь свидетельствует о возможной рефлексии *ѣ в виде [и] на тумской территории.

Произношение [и] на месте *ѣ встречается в современных мещерских говорах, однако [и] обычно отмечается только в позиции перед мягким согласным. Произношение же [и] на месте *ѣ в позиции перед твердыми в настоящее время регулярно фиксируется только в говорах северного наречия (хотя есть и спорадические случаи в других областях). Ср., однако, примеры из записи речи крестьянина Меленковского уезда (юг Владимирской обл.) – *хлиба, абидать* и под. [Еремин, Фалев: текст 38].

Возвращаясь к тексту отказа, в котором отражено регулярное изменение *ѣ в [и], следует обратить внимание на то, что написания с *и* на месте ѣ в позиции после *j отсутствуют. Здесь ѣ заменяется на *е*: *уе³дъ, приехо⁶, (в) уе³де, на зае^{жс}цаю, зае^{жс}цаю, с наеж^{жс}цаю паишею*.

Подобное явление (написания *е* вместо ѣ после [j] при имеющихся заменах ѣ на *и* в других позициях) фиксируется и в новгородских берестяных грамотах [Зализняк: 26].

Таким образом, можно сделать вывод, что в ряде русских говоров сначала произошло изменение дифтонга [ие] (реализовавшего фонему <ê>) в [е] после [j], и уже после этого [ие] изменялся в [и] в других положениях.

Конечно, такие особенности развития *ѣ были характерны далеко не для всех русских говоров с изменением *ѣ в [и]. Во многих говорах [и] фиксируется в том числе в позиции после *j, ср. примеры из современных вологодских записей – *из³д³ула, н³е йиз³д³ит* [Мельниченко: 30]. Но примечательно, что в одном из текстов имеется случай *йес³т³и* (инфинитив), хотя в нем же есть примеры, указывающие на переход *ѣ в [и] в положении перед мягкими согласными – *вр³им³а, н³е см³ийот, в³ит³ор, н³е розум³ийот* [Там же: 28].

Итак, данные ряда письменных памятников дают достаточно надежные указания на дифтонгический тип реализации <ê>, а также позволяют установить относительную хронологию изменения *ѣ в [и] и в [е] после [j].

Литература

Высотский С. С. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.; Л., 1949. С. 3-71.

Еремин С. А., Фалев И. А. Русская диалектология. М.; Л., 1928.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Мельниченко Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии. М., 1985.

Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV века. Ч. I и II. СПб., 1903.